Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке

Круглый стол

Настоящая публикация представляет собой стенограмму круглого стола, посвященного презентации книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке», состоявшейся 18 марта 2016 года в Московской высшей школе социальных и экономических наук в рамках XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север–Юг». В книге собраны материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», действовавшего в 1992–2000 годах под руководством Виктора Петровича Данилова и Теодора Шанина, внесшего весомый вклад в развитие постсоветской аграрной историографии и изучение истории российского крестьянства в XX веке, объединявшего на протяжении нескольких десятилетий исследователей разных поколений — цвет не только российской, но и мировой науки, изучающей проблемы аграрных отношений в российском обществе. На круглом столе обсуждались вопросы становления российских и зарубежных крестьяноведческих исследований в 1960–90-е годы, их современное состояние, проблемы и перспективы. В частности, неоднократно отмечалось, что можно спорить о том, существует или уже исчезло в сегодняшней России реальное крестьянство, но не приходится сомневаться в сохранении крестьянственности и определенных черт крестьянского сознания у российского населения. Участники круглого стола поделились личными воспоминаниями о работе шанинско-даниловского аграрного семинара, о собственном опыте участия в полевых антропологических и социологических исследованиях и научных дискуссиях. В обсуждении приняли участие представители разных дисциплинарных направлений, в том числе ведущие отечественные социологи и историки-аграрники.

Ключевые слова: крестьяноведение; аграрный семинар; крестьянство; социология села; аграрная история; история России; постсоветская аграрная историография.

Участники круглого стола: Валерий Георгиевич Виноградский, д-р филос. наук, Институт аграрных проблем РАН (Саратов); *Александр Владимирович Гордон*, д-р ист. наук, профессор, ИНИОН РАН; *Василий Васильевич Зверев*, д-р ист. наук, профессор РАНХиГС; *Николай Алексеевич Ивницкий*, д-р ист. наук, профессор; *Виктор Викторович Кондрашин*, д-р ист. наук, профессор, член Совета Федерации (Пенза); *Авенир Павлович Корелин*, д-р ист. наук, профессор, ИРИ РАН; *Павел Петрович Марченя*, канд. ист. наук, Московский университет МВД России; *Сергей Анатольевич Никольский*, д-р филос. наук, профессор, ИФ РАН; *Сергей Юрьевич Разин*, Институт гуманитарного образования и информационных технологий; *Игорь Николаевич Слепнёв*, канд. ист. наук, РГНФ; *Сергей Иванович Толстов*, канд. ист. наук (Томск); *Теодор Шанин*, профессор, Манчестерский университет, Московская высшая школа социальных и экономических наук; *Галина Александровна Ястребинская*, канд. экон. наук, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики. Ведущий — редактор книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке» д-р ист. наук, профессор РАНХиГС *Владимир Валентинович Бабашкин*.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-68-92

В. В. Бабашкин: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Мы начинаем круглый стол — презентацию книги, с которой связано очень много интересных воспоминаний. Десять лет Теодор Шанин, Виктор Пе-

трович Данилов, Виктор Викторович Кондрашин, целый ряд других известных вам историков...

Т. Шанин: И господин Бабашкин.

В. В. Бабашкин: Примкнувший к ним, да... на протяжении 1990-х годов участвовали в заседаниях теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», стенограммы которых тогда же публиковались на страницах журнала «Отечественная история». И вот недавно материалы всех 15 заседаний — рефераты обсуждавшихся книг и стенограммы дискуссий — вышли отдельной книгой[1]. Издание осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Один из участников наших семинаров — профессор Василий Васильевич Зверев, уже успевший прочитать эту книгу, предложил собрать всех, кто есть, участников тех семинаров и провести что-то вроде презентации. Я думаю, что желающих высказаться будет достаточно, но первое слово я бы хотел предоставить организатору семинара, патриарху крестьяноведения Теодору Шанину.

Т. Шанин: Более 20 лет жизни — это довольно много, поэтому говорить об этом непросто. Это работа, которая в свое время была прорывом, открытием того, о чем прежде не говорили, а должны были бы говорить. А также это воспоминания о людях, которых уже нет с нами.

Быть может, надо начать с того, как я приехал в СССР по линии Британской академии, чтобы изучить российское крестьянство. Мне сказали, что я прикреплен к Институту истории Академии наук и поэтому должен зайти к секретарю по международным делам. Меня встретил господин Бугай[2], который вытащил бумажку и прочел мне, с кем я должен встречаться. Я вытянулся во весь рост и сказал ему: «Вы забываете, господин Бугай, я не ваш подданный и сам буду определять, с кем мне встречаться».— «Да что вы, что вы, мы, конечно, это понимаем».— «Если так, то я бы хотел для начала встретиться с профессором Виктором Даниловым, его книги я видел, и они меня очень заинтересовали». И услышал: «К сожалению, профессор Данилов болен». Я вышел из комнаты секретаря по международным делам, прошел по коридору института до двери с табличкой «Отдел аграрной истории». Постучал, зашел. Там сидел человек и одним пальцем печатал что-то на машинке. Он спросил: «В чем дело?» — «Я ищу профессора Данилова».— «Я — Дани-

1. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) /под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия.
2. Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, в конце 1970–80-х годов ученый секретарь по международным связям Института истории СССР АН СССР.

лов». Это стало началом нашей дружбы. И я думаю, не было бы нашего семинара, если бы не это событие, с рассказа о котором я начал.

Когда я задумал свою работу по истории крестьянства в Англии, меня считали странным: тема была какая-то невероятная — крестьянство, а тут еще русское крестьянство. «Зачем тебе русское крестьянство?» — слышал я не раз. Я отвечал, что, во-первых, в России во время революции было 85% крестьян. Значит, это была крестьянская революция. Но только все говорили о пролетариях, как будто бы там не было ни одного крестьянина. В Англии как будто тоже не было ни одного крестьянина. Потому что исследования крестьянства в Англии исчезли на определенном этапе. Исчезли, потому что говорить про крестьянство было «не прогрессивно». Крестьяне — это прошлое, а мы — будущее. Мы даже не настоящее, мы — будущее. Историки, может быть, должны этим заниматься, но социологи и экономисты должны заниматься серьезным делом, я же работал над пограничной проблемой на стыке социологии и экономики. Серьезное дело, конечно, все то, что есть вокруг нас. А крестьян нет. Были коллеги, которые считали, что сделать карьеру на этом нельзя. Потому что тот, кто хочет сделать карьеру, должен заниматься business studies, которые меня не очень интересовали, хотя я и сын купцов, но это не мое.

Когда я попал в Англию, чтобы работать над докторской диссертацией, я хотел взять тему об участии интеллигенции в русской революции. Но мои будущие супервайзеры спросили: «А как вы сможете доказать то, что вы собираетесь изучать? Интеллигенция, мысли...» Они оба были прекрасными учеными, но завзятыми позитивистами, им были нужны факты. А какие там факты, если выбираешь тему интеллигенции в революции? Мы проспорили три часа. Тогда я просто пошутил: «Что вы хотите, чтобы я провел корреляцию количества коровьих хвостов на Украине с количеством там голубоглазых девушек?» У них загорелись глаза: «20 лет не было у нас настоящей докторской работы по крестьянству в России. Какая прекрасная идея!» Назавтра встретились опять, я им сказал: «Знаете, коллеги, вам не хочется, чтобы я занимался интеллигенцией, я готов заняться крестьянством. Почему бы нет? Меня это тоже интересует». Так и начал.

Дальше, дальше, дальше. На каком-то этапе стало действительно интересно. Оказалось, что факты, которые были мне нужны для понимания русского крестьянства, я не мог найти в Англии — их просто не было. Их нельзя было найти и в России, потому что в Советской России эти книги были частично уничтожены, частично закрыты в спецхране. Я нашел их в Финляндии, которая была частью царской России. А по русским законам того времени каждая новая книга высылалась в четырех экземплярах: в Москву, Петербург, Киев и Хельсинки. Я нашел статистические материалы в Хельсинки. На них я смог простроить альтернативное понимание того, что происходило с русским крестьянством.

Свою первую книгу я назвал The Awkward class. Интересное слово. С одной стороны, это «неудобный», с другой стороны, это clumsy — «корявый», «неуклюжий» класс. После этой книги меня лет пять называли the awkward Теодор, что и меня смешило, и всем улучшало настроение.

Однажды я услышал от друзей, что книгу Данилова про русское крестьянство, которая уже была в печати, «рассыпали» — кто-то решил, что там недостаточно марксизма-ленинизма. Сама идея «рассыпать» книги меня для начала удивила, потом взбесила, а затем рассмешила. Потому что в Англии это звучит как плохая шутка.

В 1990-е годы я решил создать университет, который будет нести в себе элементы «русскости» и «английскости». Мое знание английского университета и русской академической системы, которую я изучил, работая в России, помогло создать Московскую школу социальных и экономических наук.

И это, конечно, дало возможность Виктору Данилову работать у нас и создать семинар, который был его идеей. Он предложил: «Надо создать семинар, в котором можно проговаривать то, чего добилась западная наука в изучении крестьянства, чтобы внести эту струю знания в жизнь России. И конечно, связать ее с тем, чего добились русские ученые». Потому что в то время английские и американские ученые довольно свободно изучали, анализировали, думали, спорили о крестьянстве, в России об этом куда меньше думали и говорили. Но и российские историки сделали очень много. Таким образом, возник семинар, который вели двое: Виктор и я. Меня этот семинар очень многому научил. Научил нас всех. И вокруг этого семинара создавалось новое понимание, если хотите, новая волна интереса к крестьянству.

Дальше — больше. Я начал исследование русского крестьянства, в котором участвовали те, кто здесь сидит, особенно эта команда, которая находится прямо передо мной. Я поставил центральное условие: те, кто соглашался участвовать в этом исследовании, должны были прожить полгода в одном селе, после полгода во втором селе, затем полгода в третьем селе.

В. Г. Виноградский: Восемь месяцев, Теодор. И по году мы сидели.

Т. Шанин: Помню, что я вначале хотел полгода, но в итоге кончилось бóльшим. В те времена главная проблема методологии у нас была, где найти резиновые сапоги, потому что ребята не могли ходить, а должны были. Но как-то эту методологически-концептуально-теоретически-аналитическую проблему мы разрешили и были очень рады. Когда мы начали семинар, была уже группа людей, которая знала это дело не только с точки зрения марксизма, хотя не имело ничего общего с Марксом. Ну, с Лениным в какой-то мере, но не с Марксом. Эта работа связала концептуальное мышление с тем, что люди проходили этот год, полгода, восемь месяцев, и со-

здала совершенно другое отношение к тому, что есть социальная структура, что есть крестьянин, что есть крестьянство, что есть сельское хозяйство.

Я хочу только добавить, что как социолог я, конечно, создал эту структуру как социологическую в широком смысле, которая обязательно включает элементы истории, экономики и так далее. Но так как Виктор Данилов был историком, то мы примерно через год после того, как начали это исследование, раскрутили его на базе историков частично потому, что в то время в России история была продвинута больше, чем социология. Мы начали развивать двойное исследование: социологию и историю. Как результат связки социологии с историей, проблем теории и концептуализации с практической, эмпирической работой в поле у нас вышли тогда книги «Великий незнакомец», «Голоса крестьян». Я бы сказал, появилась целая библиотека. Из этой библиотеки исходил семинар, который в эту библиотеку внес, конечно, в итоге эту книгу. И вот мы встречаемся спустя 20 лет...

В. Г. Виноградский: 25 лет, 1990 год.

Т. Шанин: Это целая жизнь. Целая научная жизнь, научное поколение. Я хочу сказать, что это было очень счастливое для меня время, самая счастливая часть моей научной деятельности — период моей работы по исследованию русского крестьянства. Спасибо.

Г. А. Ястребинская: Можно Теодору ответить? Я участник тех событий. И хочу ответить за весь наш проект, что мы до сих пор дружим, вспоминаем, называем себя шанинцами. Теодор, это был тот период, который и для Вас, оказывается, был счастливым, и для нас счастливым. Здесь вспомнили о сапогах... Я хочу рассказать один случай, до сих пор, когда я его вспоминаю, у меня все содрогается. Я работала в деревне русского Севера, в процессе исследования я там сделала крюк. А Север — это бездорожье. Я заночевала у респондентки, мы всю ночь проговорили, потом мы вышли на берег Пинеги — это широкая река. Было время года, когда река встала, то есть появился первый ледок. Она говорит: «Вот ты иди прямо и пройдешь». Тоненький лед, видно, как под ним вода течет. Я тогда пробежала эту реку. Сейчас вспоминаю, думаю: «Боже мой, если бы он провалился, меня бы никто не спас!» Это просто штрих. Это действительно было незабываемое время. До сих пор я им живу, и оно меня вдохновляет на изучение нашего российского крестьянства. Спасибо Теодору.

В. В. Бабашкин: Дорогие коллеги, Теодор упоминал в своем выступлении, что были все-таки русские историки, которые серьезно, иной раз с карьерным риском, с другими опасностями продвигали науку о крестьянах вперед. Роберт Дэвис называл их «могучая кучка».

Один из участников этой «могучей кучки» сегодня здесь, с нами — Николай Алексеевич Ивницкий.

Н. А. Ивницкий: Я хотел бы поблагодарить организаторов этого мероприятия за приглашение. Хотел бы сказать, что семинар мне лично очень много дал. Прежде всего я научился говорить и писать правду о том, что было в нашей истории. После опубликования в 1972 году моей книги «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса» я подвергся критическому анализу, можно сказать, гонению и охаиванию со стороны высших органов нашей партии. Затем в течение 11 лет мои работы не публиковались, а в тех случаях, когда я участвовал в коллективных трудах, моя фамилия вычеркивалась. И только уже в начале 1990-х годов благодаря этому семинару, семинару Шанина, я научился говорить правду, несмотря ни на что. Мне это дало силы в последующем, поскольку моральной основой являлся он. Благодаря этому мне удалось написать еще несколько книг: «Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов», которая была издана тиражом 13 тысяч экземпляров, понятно, что это очень большой тираж; «Репрессивная политика советской власти в деревне»; «Судьба раскулаченных в СССР», затем «Голод 1932–1933 годов в СССР». А также благодаря, наверное, этому мне удалось, не знаю, насколько удалось, написать автобиографические заметки, в которых я рассказал не столько о своем жизненном пути, сколько об истории науки. Книга называется «Трудный путь в науку». Она была издана, когда мне исполнился 91 год, то есть совсем недавно, в 2013 году. Я так же, как и Виктор Петрович Данилов, не изменил своих взглядов на те события, которые были как в советское, так и в постсоветское время. Может быть, это мне удалось также благодаря этому семинару. Спасибо за то, что меня пригласили, я вспомнил и свою молодость, и тот путь, который мы прошли в 90-е, 80-е, 70-е, 50-е годы. Спасибо.

В. В. Бабашкин: Николай Алексеевич был постоянным участником нашего семинара, автором едва ли ни острейших и наиболее глубоких реплик, зафиксированных стенограммами. Сидящий рядом с ним Игорь Николаевич Слепнёв, сотрудник Российского гуманитарного научного фонда, принес почетную грамоту, которой фонд награждает Николая Алексеевича.

И. Н. Слепнёв: Пользуясь приятной возможностью, я выполняю данное мне поручение вручить почетную грамоту за большой личный вклад в развитие гуманитарной науки патриарху не только аграрной науки, но и экспертной системы российских научных фондов. Я не оговорился. Николай Алексеевич Ивницкий начинал свою деятельность эксперта еще в Российском фонде фундаментальных исследований. Очень приятно поздравить Николая Алексеевича с такой оценкой его многолетнего труда.

В. В. Бабашкин: Александр Владимирович Гордон — человек-символ нашего семинара, еще один патриарх, который peasant studies перевел на русский как крестьяноведение. Он участвовал во всех 15 заседаниях и, как правило, открывал дискуссию, выступал как провокатор. Возможно, это у него получится и сегодня.

А. В. Гордон: Большое спасибо прежде всего Владимиру Валентиновичу Бабашкину за ту невероятную работу, которую он проделал. Это, конечно, замечательная работа, она шла из одного семинара в другой. И приятно удивляет, что она была доведена до логического завершения. Какие-то наши старые дела вдруг получили новое освещение, новую презентацию! Я совершенно не представлял, что такое возможно. Тут уже говорили, и Слепнёв приложил руку, и другие, конечно. Но первая скрипка принадлежит Владимиру Валентиновичу, и я ему вместе со всеми хочу воздать должное.

По поводу семинара. Теодор Шанин начал выступление с «неканонизированного» состояния наших исследований крестьянства. Это действительно так. Где-то в начале 1990-х годов, когда уже началась работа семинара, хорошо знакомый с ситуацией мой однокашник по Ленинградскому университету Дэвид Рэнсел (он вел библиографический отдел в журнале American historical review) написал: «Одно сообщество? Нет, два». То есть мы и западная историческая наука представляли разные профессиональные сообщества, наследие идеологической борьбы. Я помню еще раньше, прочтя в American historical review рецензию на книгу В. П. Данилова, страшно обрадованный звоню ему и говорю: «Виктор Петрович, вот такая хорошая рецензия, положительная». Она была написана даже с определенной симпатией. В.П. мне сказал примерно так: «Держите язык за зубами. У меня предстоит защита. Не дай бог, если будет известно про эту положительную рецензию».

То есть начинался стартап, который мы обсуждаем, с очень низкого старта. Я даже, может быть, на первое место поставлю культуртрегерскую функцию нашего семинара. Мы сближали разные политические культуры, по-настоящему разные культуры. Но был и момент чисто профессиональный или методологический, как хотите. В России с начала прошлого века успешно развивались аграрные исследования, притом традиционно они были отраслью экономической науки. В то время как на Западе к началу работы нашего семинара несколько десятилетий бурно развивались так называемые peasant studies, исследования крестьянства. Вот Теодор Шанин своим творчеством символизирует в полной мере эти исследования. Это была социология и шире — социальная наука.

И не только в этом дело. Мы привыкли считать, что крестьянство, деревня — объект тех великих исторических движений, которые идут из города, это абсолютно по Марксу. И по этой схеме советским историкам приходилось писать чуть ли не про восстание Болотникова, что оно не могло победить, потому что не было руководства

пролетариата и коммунистической партии. Примерно так. А в этих peasant studies крестьянство мыслилось субъектом, воспринималось как самостоятельная общественная сила. И еще важно было то, что мы застыли на классовом подходе, который крайне схематизировал изучение крестьянства, порой сводя это изучение к политически удобной формуле партийных программ: бедняк — середняк — кулак. Между тем крестьянство не укладывается в «классовую арифметику». Не случайно Теодор Шанин, определяя крестьянство, цитировал китайского социолога Фэй Сяотуна, который говорил, что крестьянство не класс, а *мир*, иначе говоря — социальная общность.

Т. Шанин: Антрополог. Для себя он был антропологом.

А. В. Гордон: Да, в работе по китайской деревне 1930-х годов. И важно было сблизить разные подходы. Как говорит Владимир Валентинович, я первый употребил в русском языке слово «крестьяноведение». Произошло это почти стихийно, когда писал заключение для тематического сборника (между прочим ДСП)[3], дав своей статье название *«Крестьяне и крестьянские движения Востока в западном крестьяноведении»*. Просто перевел термин peasant studies, которым был посвящен сборник. Еще помню, замдиректора ИНИОН, курировавший наш отдел, пожурил: «Саша, какое крестьяноведение? Рабочеведения же нет». Я с ходу парировал: «Да, но востоковедение есть, а западоведения нет». Это как-то его сразило. Но все произошло рефлекторно, я заботился лишь о том, чтобы новое понятие хорошо звучало по-русски. Я еще не понимал, что слово обязывает, что придется обосновывать академический статус специального мультидисциплинарного направления исследований. И только спустя 12 лет[4] смог в известной мере обобщить новации peasant studies, сплавив их с достижениями отечественных ученых — этнографов и филологов, историков и экономистов, востоковедов и африканистов, с неканонизированными размышлениями Маркса, а также с прозрениями русской классики от Глеба Успенского до В. И. Белова. И когда у Теодора и Виктора Петровича возникла идея ознакомить с этими тенденциями мировой науки широкие круги российских коллег, у меня просто эйфория началась, с таким удовольствием я посещал заседания семинара.

Чтобы не очень удариться в мемуаристику, должен сказать, что вышедший сборник семинаров не просто дань прошлому, не просто историографическая ценность. Это некий компендиум знаний, а главное — идей. Важнейшие идеи, которые сейчас курсируют, были уже тогда высказаны. И проблемы тоже сформулированы. Не-

3. Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки (1977). М.: ИНИОН.
4. *Гордон А. В.* (1989). Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука.

давно мне довелось прочесть книгу Сергея Александровича Нефёдова о коллективизации[5]. Помните, у нас был семинар по Уиткрофту?

В. В. Бабашкин: 13-й по счету, в 1998 году по работе С. Уиткрофта и Р. Дэвиса.

А. В. Гордон: Историк из Австралии Стивен Уиткрофт принадлежит к так называемому ревизионистскому направлению. Вначале проблемами нашего голода и советской коллективизации в западной советологии занимались, условно говоря, «идеологи» с определенной обличительной тональностью подхода. А «ревизионисты», начиная с Шейлы Фицпатрик, попытались дать деидеологизированную картину. И они много преуспели в раскрытии сложной реальности голода 30-х годов и многообразия его факторов. Но в своей «деидеологизации», по-моему, перегнули палку. Получалось уже так, вспоминаю по жаркой полемике с Уиткрофтом, что голод периода коллективизации есть некая надысторическая закономерность, проявление природных циклов крестьянского бытия, установленных еще Мальтусом. На первый план выходили экологические обстоятельства, а человеческий фактор, поскольку затрагивался, трактовался против крестьян, что они сами в какой-то степени виноваты в том, что обрекли себя на бескормицу, стали резать скот, недосевали, не соблюдали агротехнику и т. д. Короче, несознательность патриархального крестьянства, которое не поняло преимуществ аграрной модернизации, проводившейся советской властью. Для меня такой идейно-теоретический поворот был совершенно неприемлем, я воспринимал голод как прежде всего антропогенную катастрофу, объективное следствие форсированной модернизации.

И сейчас, читая замечательную книгу С. А. Нефёдова, вижу, что вопросы все те же: был ли исходной причиной трагедии крестьянский традиционализм или форсированная модернизация? Подчеркивая традиционалистский фактор, оппоненты опираются на модернизационную парадигму. Конечно, в известных пределах она работает, и я, кстати, этой парадигме сам отдал заметную дань. Но теперь прихожу к выводу: неправильно рассматривать коллективизацию и голод 1930-х годов исключительно в рамках модернизации. Все-таки создание колхозов было не только способом аграрной модернизации, но и социальной революцией, потому что насильственным, по сути, путем в форсированном темпе был разрушен вековой уклад крестьянского бытия, радикально трансформировалась социальная структура деревни, коренным образом изменены отношения собственности. И все последовавшее видится в конечном итоге следствием. Не заходя далеко, заключаю, что

5. *Нефёдов С. А.* (2013). Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина.

идеи, которые обсуждались на семинарах 1990-х годов, и сейчас достаточно актуальны. Спасибо.

В. В. Бабашкин: Вам спасибо. Если мне не изменяет память, Виктор Викторович Кондрашин практически тоже не пропустил ни одного заседания «Современных концепций аграрного развития». Этот человек не менее известный в кругах историков-крестьяноведов, специалист по голоду, который по существу сказанного может сейчас добавить достаточно много.

В. В. Кондрашин: Я очень благодарен Теодору Шанину и Виктору Петровичу Данилову за то, что мне посчастливилось тогда, в 90-е, участвовать во всем этом. Для меня самое ценное в том жизненном и исследовательском опыте заключалось в возможности регулярно общаться с историками старшего поколения, сверять свои мысли и формировавшиеся научные убеждения. Ведь посмотрите, какие люди принимали участие в тех дискуссиях: наряду с руководителями семинара В. П. Даниловым и Т. Шаниным это были Н. А. Ивницкий, А. П. Корелин, И. Е. Зеленин, Л. В. Милов, П. Н. Зырянов, из США приезжал М. Левин, из Англии — Р. Дэвис, из Франции — А. Берелович... Это же был цвет не только российской, но и мировой исторической науки, исследующей проблемы аграрных отношений в нашей стране. И мы, молодые аспиранты и докторанты, имели возможность в их присутствии озвучивать какие-то свои мысли и теоретические находки. Это было страшно волнительно, и это была серьезная научная школа для меня и таких моих сверстников, как С. Домников, И. Слепнёв, В. Бабашкин, А. Никулин. Теперь все гоняются за какими-то ваковскими публикациями, чтобы без проблем защититься. Мы тогда об этом и не думали. Нам важно было не сфальшивить, обдумывая результаты своих исследований. Поэтому возможность систематически выступать перед авторитетными коллегами старшего поколения нельзя переоценить.

Была у меня и другая счастливая возможность — участвовать в комплексном исследовании российской деревни под руководством Т. Шанина. Вспоминается первое обсуждение результатов этого исследования, которое было организовано в санатории им. Константина Федина. А. П. Корелин сказал тогда В. П. Данилову, что хорош исторический очерк села, в котором использовано матерное выражение. Сижу, думаю: «Господи, это мой». Я тогда в «Истории села Лох» привел документально зафиксированное мнение одного из крестьян об указе 9 ноября 1906 года: не рукой писан, а... Потом этот очерк опубликовали в «Крестьяноведении», как положено, с многоточием[6]. Но я на всю жизнь запомнил, как важна для меня была тогда положительная оценка.

6. *Кондрашин В. В.* (1997). История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М. С. 176–216.

Это стимулировало к постоянной и напряженной исследовательской работе. Помогало и то, что из материалов семинаров начинала обрисовываться определенная теоретическая система, с которой намного легче было ориентироваться в огромном массиве документов. Иначе легко в них просто потеряться. Приведу простой пример. Три дня назад мне как представителю Пензенской области в Совете Федерации довелось участвовать в юбилейном мероприятии, проходившем в Пензенской духовной семинарии, в связи с 200-летием Пензенской епархии. Смотрю, продается специальный выпуск альманаха «Краеведение», а там — моя статья под названием «Повстанцы во имя царя»[7] о религиозно-монархическом восстании крестьян в Краснослободском уезде в 1919 году. Само ее название — аллюзия на знаменитую монографию американского историка Д. Филда о крестьянском восстании в селе Бездна в апреле 1861 года, которой был посвящен наш семинар 26 октября 1995 года[8]. И то, о чем писал в свое время Д. Филд, и то, о чем мы тогда говорили, очень помогло лучше разобраться в содержании бурных событий времен Гражданской войны в России.

Буквально час тому назад мне в РГБ торжественно вручали награду за серию монографических исследований по истории аграрных отношений в России. Скромно полагая, что есть и более достойные подобной премии историки, я все же склонен рассматривать такое радостное для себя событие, как знак внимания руководства страны к российскому крестьянству, его истории и роли в российской истории, которая остается очень и очень значительной. Думаю, что мне как автору этих книг помогло встать на данные теоретические позиции мое собственное крестьянское происхождение. В речи на церемонии награждения в РГБ я подчеркнул, что свою первую книгу я посвятил своему отцу и дяде — уроженцам села Иванырс Лунинского района Пензенской области[9], последнюю — патриарху советской аграрной истории М. Левину, с которым мне посчастливилось работать[10]. А сборник документальных материалов о крестьянском движении на Украине в годы Гражданской войны, который я редактировал, мы посвятили памяти В. П. Данилова[11]. Такая вот перекличка поколений в аграрной истории.

---

7. *Кондрашин В. В.* (1999). Повстанцы во имя царя. Религиозно-монархическое восстание в селе Большой Азясь Краснослободского уезда // Краеведение. 200 лет Пензенской епархии. Спецвыпуск. Пенза. С. 32–41.
8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 462–474, 482–486 и далее.
9. *Кондрашин В. В.* (2008). Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М.
10. *Кондрашин В. В.* (2014). Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.
11. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг. (2006): Документы и материалы. М.

Мой собственный опыт чтения лекций по истории не только в российских вузах, но даже и в зарубежных университетах убеждает меня в том, что крестьянская тематика очень интересна для молодежи. Возможно, потому, что здесь минимум надоевшей политики, идеологии, из-за которых так ссорятся исследователи. Ну, попытались политизировать тему голодомора, но, кажется, это уже забыто как явная глупость, уже уходит куда-то. А крестьянство никуда не уйдет, оно останется — и в истории, и в современной повседневности. Оно живет в нас через особенности сознания, менталитет. И это очень серьезно. Мы под Пензой в деревне Степановка каждый год проводим международную конференцию «Моя малая родина». В ноябре проходила тринадцатая по счету. Туда приезжал Теодор Шанин. Его спросили про крестьянскую культуру, как же так, мол, крестьян-то уже нет никаких, о какой культуре речь? Он ответил в том смысле, что ее можно и нужно сохранять. Ученые должны запечатлеть все это, учителя, преподаватели должны заинтересовать этим молодежь. И мы в Пензе это делаем[12]. Насколько я знаю, эта работа ведется во многих местах.

В. В. Бабашкин: Сергей Анатольевич Никольский был одним из тех, кто стоял у истоков семинара.

С. А. Никольский: В связи с обсуждением значения семинара «Современные концепции аграрного развития», объединявшего советских и российских историков крестьянства и аграрных социологов, повторю известную мысль: любое научное и общественное явление не возникает на пустом месте. Думаю, что определенным основанием для того, чтобы такое объединение состоялось, были изменения, которые произошли в сознании исследователей советской деревни несколькими годами ранее.

Мы хорошо помним ту научную и просветительскую работу, которую с начала 80-х годов выполняли отечественные экономисты, историки, ученые-аграрники, писатели и публицисты. Кроме научных публикаций это были выступления в печати и в «толстых» общественно-литературных журналах Д. Н. Дурманова, А. М. Емельянова, А. А. Жученко, С. П. Залыгина, Ю. П. Ковырялова, М. Я. Лемешева, Г. С. Лисичкина, Н. Ф. Реймерса, А. С. Салуцкого, А. И. Стреляного, В. А. Тихонова, Л. Л. Шишова, А. В. Яблокова. На телевидении еженедельным событием был «Сельский час» Ю. Д. Черниченко. К исследованию мировоззренческой составляющей крестьянского сознания с 1983 года подключился сектор Института философии Академии наук под руководством Р. С. Карпинской, и в 1985 году в московском «Агропромиздате» вышла первая междисциплинарная монография «Раздумья о земле».

12. http://malajarodina.narod.ru/index/zhurnal_quot_malaja_rodina_quot/0–8

Но самой знаменательной вехой в осмыслении общественной мысли послеоктябрьского бытия отечественного крестьянства стала организованная 27 октября — 1 ноября 1986 года в Полтаве областным комитетом компартии Украины, Институтом философии АН СССР, Президиумом ВАСХНИЛ, Союзом писателей СССР и Полтавским сельскохозяйственным институтом Первая научно-практическая конференция «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика». На ней, проходившей за плотно закрытыми дверями и двойной проверкой пропусков в Полтавском обкоме под председательством его первого секретаря Федора Трофимовича Моргуна, прозвучали неподцензурные выступления многих исследователей советского общественного бытия. Будучи одним из ее организаторов, я выступал с докладом на тему «Мировоззрение, сельскохозяйственная практика, социальный прогресс» и хорошо помню доклады философов А. И. Алешина, Ю. М. Бородая, Л. П. Буевой, Р. С. Карпинской, И. К. Лисеева, А. С. Ципко, В. Н. Шердакова, экономистов В. Ф. Башмачникова, М. Я. Лемешева, Г. С. Лисичкина, Н. Ф. Реймерса, писателей и публицистов А. И. Стреляного и Ю. Д. Черниченко. По ее итогам в 1988 году вышла книга «Человек и земля. Мировоззрение. Экономика. Социальная политика».

На следующий год 9–11 октября по инициативе Института философии, в котором в то время под моим руководством начала работать исследовательская группа «Философские проблемы аграрного производства», впоследствии ставшая сектором, в Одессе состоялась II Всесоюзная научно-практическая конференция философов, экономистов, историков, писателей, ученых-аграрников и практиков сельского хозяйства «Аграрное производство и природопользование». К философам, уже выступавшим по проблематике общественного сознания крестьянства в Полтаве, подключились такие известные среди профессионалов специалисты, как Т. А. Кузьмина, Ф. Т. Михайлов, Л. И. Новикова, А. П. Огурцов, а круглые столы вели известные в то время в стране журналисты Юрий Апенченко (журнал «Знамя»), Александр Беккер (газета «Московские новости»), публицист Лен Карпинский. После конференции была издана книга «Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки».

Тесно сотрудничая с В. П. Даниловым, я опубликовал в 1990 году книгу «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября». В ней на основе работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Е. А. Преображенского и других теоретиков большевизма, а также советских историков и экономистов-аграрников мне, как я полагаю, удалось показать реальную зависимость между марксистской теорией превращения мелких крестьянских хозяйств в крупные «фабрики зерна», большевистским аграрным законодательством и послеоктябрьской политической практикой вплоть до завершения коллективизации. Такой претендующий на целостный подход ракурс не был типичным

для нашей исторической науки, традиционно работающей в русле узкой дисциплинарности. К тому же в глазах многих историков и ученых других специальностей мне невольно пришлось «нести ответственность» за грехи той части отечественной философии, которая в советское время выступала в роли толкователя партийно-политической линии. По этой причине книга не получила должного отклика в научной среде, не считая рецензии профессора Института истории АН СССР Г. З. Иоффе, вышедшей в 1991 году в 4-м номере журнала «Вопросы философии»[13].

Далее Виктор Петрович познакомил меня с приехавшим в Москву Теодором, и 18–24 июня 1990 года под председательством президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова, директора Института философии АН СССР члена-корреспондента АН СССР В. С. Степина, заведующего кафедрой Манчестерского университета профессора Теодора Шанина и директора Института истории АН СССР члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева прошла I Международная конференция ученых-аграрников. Ее приветствовал тогдашний секретарь по аграрной политике Е. С. Строев. Среди ее участников были члены-корреспонденты Э. И. Крылатых и Г. И. Шмелев, профессора Д. Харрис (Канада), К. Ведекин (ФРГ), К. Бхарадвадж (Индия), профессор В. Узун (СССР) и другие известные ученые. Тогда же нами была учреждена Ассоциация ученых-аграрников, к сожалению не получившая дальнейшего развития.

Думаю, что все эти научные и общественные явления и события заслуживают рассмотрения в качестве предыстории той систематической работы, которая началась с семинара «Современные концепции аграрного развития».

В. В. Бабашкин: Уважаемые коллеги, пользуясь своими полномочиями ведущего, я предоставляю слово человеку, который в 90-е годы в наших семинарах участия не принимал, но, внимательно знакомясь с материалами на страницах «Отечественной истории», стал, с моей точки зрения, серьезным и очень интересным ученым. Павел Петрович Марченя, о котором я веду речь, совместно с Сергеем Юрьевичем Разиным организовал что-то вроде продолжения нашего семинара в рамках проекта «Народ и власть».

13. Впоследствии материалы книги «Власть и земля» были дополнены анализом предреволюционного и современного (после 1991 года) состояния аграрного сектора и общественного сознания крестьянства. В том числе материалами проходивших под моим руководством полевых исследований в Орловской, Нижегородской и Белгородской областях, в Краснодарском крае и в Автономной Республике Крым, в которой в 1994 году в составе московского правительства я исполнял обязанности министра сельского хозяйства и готовил аграрную реформу. Все это вошло в мою книгу «Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах» (М.: КолосС, 2003).

П. П. Марченя: Спасибо, Владимир Валентинович. Здесь было сказано уже много теплых слов благодарности в адрес организаторов знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития» и устроителей сегодняшнего мероприятия, посвященного презентации долгожданной книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке». Разрешите от лица нашего проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и проводимого в его рамках семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» присоединиться к сказанному: большое и искреннее спасибо всем, благодаря кому мы сегодня здесь собрались. И особые слова признательности — Владимиру Валентиновичу Бабашкину, который смог собрать столь толстый фолиант и подарить его научной общественности. Это действительно огромный и, без сомнения, полезнейший труд.

Сегодня Теодор Шанин сказал, что для современной Англии и ее науки тема крестьянства уже давно неактуальна, это прошлое, интересное лишь отдельным историкам. Не знаю, как для Англии, но для современной России изучение и понимание крестьянства и его сознания остается сверхактуальной задачей и одним из важнейших вызовов для ее интеллектуального класса, имеет приоритетное значение не только для нашего прошлого, но и для сегодняшней, и для грядущей России, российской цивилизации, для всего так называемого Русского мира. В определенном смысле и сейчас крестьянское сознание остается базовым, матричным для всех форм массового, общественного и группового сознания в России. Это именно матрица — как исходная материнская форма всех реальных проявлений массового и подлинно народного в отечественной истории, как историческая первооснова («архе») нашего социального. В ней кроется весь корневой набор архетипических установок и реакций, детерминирующих причинно-следственную модель поведения масс, задающих определенную последовательность и диапазон (коридор) событийного ряда российской истории (особенно в ситуациях системных кризисов, смут, революций, вообще в пограничных ситуациях). Эта крестьянская матрица до сих пор остается для внимательных историков изначальной «формой форм», подобной известному математикам «волшебному квадрату», возвращающемуся к канонической (нормальной) форме при любой попытке замены координат.

Да, можно спорить о том, существует ли (либо уже отсутствует) в сегодняшней России реальное крестьянство, но не приходится сомневаться в реальности сохранения самой крестьянственности и вполне определенных характеристик крестьянского сознания, остающихся доминантными в условиях непреодоленной Смуты на всем пространстве развалленной Советской империи. Без адекватного понимания и полноценного учета этих объективно сохранившихся «крестьянских» характеристик немыслимо и стратегическое оформление новых (обновление старых) императивов

дальнейшего исторического пути России как главных оснований ее «выздоровления», выхода из затянувшегося «Смутного времени», восстановления прервавшейся «связи времен», цивилизационной преемственности. Проще говоря, сохранения России в мировой истории.

В этом смысле крестьяноведение в России — это не просто изучение аграрного вопроса, аграрной истории или современных концепций аграрного развития. Это одно из важнейших направлений всего современного проективного россиеведения, способ и мера понимания самой России, ее прошлого, настоящего и будущего. Крестьянское сознание и сегодня является матрицей массового сознания в нашем обществе — это факт, с которым, думаю, согласятся все современные крестьяноведы. И вне понимания этого факта в России в принципе невозможны никакие долгосрочные стратегические прогнозы и масштабные реформы, любые акты власти, требующие мобилизации масс. А игнорирование крестьяноведческого опыта властью при проведении всевозможных модернизаций, оптимизаций и всяких прочих инноваций делает последние не только неэффективными, но и крайне опасными — нельзя забывать, что «элитарное» пренебрежение реалиями массового сознания только за один прошлый век дважды становилось далеко не последней (если не главной!) причиной развала исторически сложившейся империи (сначала Российской, потом Советской). От усвоения современными российскими элитами уроков крестьяноведения во многом зависит, не наступим ли мы на те же грабли и в XXI веке.

Еще раз спасибо всем собравшимся. И за то, что эта тема была начата, и за то, что она продолжается, огромное спасибо тем, кто сегодня здесь присутствует, кто это делал, кто нас сегодня собрал. Со многими здесь присутствующими мы с удовольствием сотрудничали, сотрудничаем и надеемся сотрудничать дальше.

В. В. Бабашкин: Уважаемые коллеги, я полагаю, что дальше наше мероприятие можно пустить на самотек. Если есть желающие высказаться — пожалуйста.

А. П. Корелин: Хотелось бы прежде всего сказать, что почти четвертьвековой юбилей семинара — это сама по себе уже неординарная дата. Вместе с тем следует отметить, что, пока мы обсуждали теоретические и конкретно-исторические темы мировой аграрной эволюции, поднятые зарубежной и российской историографией, Россия ежегодно «теряла» сотни и тысячи деревень, крестьяне как класс-сословие практически исчезло, растворившись в сельском населении или в лучшем случае превратилось просто в сельских производителей и наемных рабочих. Между тем мы, располагая богатым историческим опытом собственного и мирового кооперативного движения, игравшего и до сих пор сохранившего важную роль в развитии экономики и формировании гражданского обще-

ства едва ли не во всех ведущих странах мира, особенно и главным образом в переходные периоды, до сих пор так и не смогли воспользоваться его уроками.

Кооперативное движение, возникнув в его классической форме в передовых странах Европы во второй четверти века как реакция мелких товаропроизводителей и наемных рабочих на развитие капитализма в его ранней стадии, сопровождавшейся заметным ухудшением материального и правового положения широких масс трудящихся, уже вскоре становится одним из заметных факторов реформирования социально-экономических, а отчасти политических и гражданских структур почти всех государств, вставших на путь буржуазной эволюции. Проявив затем поразительную устойчивость в самых различных условиях — экономических, социокультурных, политических и т. д. и продемонстрировав весьма широкий набор идейно-теоретических вариантов понимания его сути, целей и задач (от «христианского социализма», «кооператизма», «коопартнешипа» и до коллективных хозяйств советского образца и израильских кибуцев), кооперация показала, что ее фундаментальные принципы и практика находили и находят приложения во всех обществах с рыночной экономикой — и как эффективный способ мобилизации внутренних сил для оживления и модернизации экономики, и как средство стимулирования самодеятельности широких народных масс, которая является основой гражданского общества.

Следует отметить, что и в настоящее время кооперативное движение остается одним из самых массовых движений в мире. Крупнейший его центр — Международный кооперативный альянс — сегодня объединяет кооперативы, представляющие интересы около миллиарда человек. В процессе более чем полуторавековой эволюции современная кооперация в странах Запада приобрела вид слаженно работающего механизма с достаточно четкой структурой и разграничением функций между отдельными элементами системы, обслуживающей хозяйственные, культурные, информационные и другие потребности значительной части населения. Судя по выступлениям на научных форумах американских и европейских специалистов, и сейчас перед кооперацией открываются новые перспективы в совершенствовании хозяйственной, культурной и политической жизни общества. Роль кооперативных ассоциаций именно в силу их демократизма приобретает особую значимость в связи с наметившимися в последние годы тенденциями к возрастанию роли местных самоуправляющихся сообществ, целью которых должно стать удовлетворение основных человеческих потребностей и поддержание устойчивых экономических структур, базирующихся на максимально возможном ресурсном самообеспечении, а также выполнение функций медиатора, посредника между государством и индивидом. В странах европейского сообщества и Скандинавии отмечается расширение сферы так называемой социальной экономики, охватывающей все виды деятельности орга-

низаций, основанных на коллективной и совместной собственности, в том числе кооперативов.

Актуальность этой тематики обусловливается и тем обстоятельством, что, как свидетельствует история, особо важную роль кооперация и кооперативное движение играют в переходные эпохи, в периоды так называемых транзитных экономик и становления гражданского общества. Россия неоднократно оказывалась в таких условиях, и тогда государство и общество возлагали на кооперацию самые серьезные надежды[14]. Казалось бы, в настоящее время, когда перед страной остро встают проблемы выбора путей и средств решения этих задач, кооперативные идеи и практика вновь должны становиться востребованными. Действительно, с конца 80-х годов XX века и до наших дней предпринимались неоднократные попытки централизованного возрождения и реформирования различных видов и форм кооперативных ассоциаций. Был принят ряд законов о деятельности кооперации. Возникло Всероссийское общество потребителей и при нем Лига кредитных союзов, учрежден Союз сельских кредитных кооперативов — некоммерческая общественная организация, созданная при содействии Министерства сельского хозяйства России, Фонда развития сельской кредитной кооперации и Ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов России (АККОР). Пока обнадеживающих результатов не видно. Уже количественные параметры современной российской кооперации, сами по себе более чем скромные, не предполагают ее серьезного участия в социально-экономической жизни страны. К тому же ее правовая база остается несовершенной, виды кооперативных объединений, их статус, взаимоотношения, направления деятельности определены крайне нечетко. Неоднократные попытки централизованного возрождения различных ее видов свидетельствуют о том, что законодателям не удалось в полной мере преодолеть негативные последствия извращенных представлений о характере, природе и предназначении кооперации, господствовавшие в советские годы, а политика и кооперативная практика, особенно второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века, вообще привели к дискредитации таких хозяйственных форм. Представляется, что эта проблема заслуживает особого внимания исследователей и могла бы стать одним из важных направлений деятельности возрожденного семинара.

14. *Корелин А. П.* (2009). Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.; *Морозов Л. Ф.* (1969). От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М.; *Кабанов В. В.* (1973). Октябрьская революция и кооперация. 1917 — март 1919. М.; *Болотова Е. Ю.* (2003). «В единении — сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX — начале XX в. Волгоград; *Козлова Е. Н.* (1993). Развитие кооперации в России и ее роль в обновлении страны (1906–1917) // Кооперация. Страницы истории. Вып. 3. М. С. 27–47; *Фигуровская Н. К.* (1993). Некоторые исторические уроки развития кооперации в России // Там же. С. 1–26 и др.

В. В. Зверев: Выход в свет книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке», на мой взгляд, может и должен стать знаковым явлением для всех, кто в своей научной практике касается проблем, связанных с исследованием еще таящего многие и многие тайны континента, имя которому крестьянство.

Делая это достаточно громкое заявление, я отнюдь не собираюсь каким-то образом преувеличить значимость публикации работы, а просто констатирую историографический факт, который, как известно, упрямая вещь. Согласитесь, одно дело, когда материалы появляются в периодическом издании, даже в таком авторитетном и известном, как «Отечественная история» (ныне «Российская история»), а другое дело, когда они собраны под одной обложкой. Эта, казалось бы, формальная подробность вместе с тем создает ощущение целостности и цельности работы. Целостности рассматриваемых проблем, их тематического единства, логической связи и интеллектуального штурма, которые были отличительными чертами, памятными всем участникам заседаний. В этом отношении собранные вместе исторические документы (а именно так необходимо классифицировать проводившиеся обсуждения) создают кумулятивный эффект творческого поиска. Я понимаю, что у каждого, кто был причастен к раскованным, лишенным всякого научно-бюрократического чинопочитания «посиделкам», неминуемо примешиваются чисто личные ностальгические чувства. Здесь уже ничего не поделаешь, к тому же ностальгия как воспоминание о несостоявшемся счастье — вещь заразная и передающаяся отнюдь не воздушно-капельным путем. Но я уверен, что никто не забудет той раскованной атмосферы общения, обмена мнениями, споров маститых исследователей и молодых начинающих ученых, которая объединяла и побуждала к смелости и даже дерзости умозаключений. Отмечу еще одну характерную особенность — сочетание новизны подхода и уважительного отношения к наследию предшественников, тех, кто в 60–70-е годы уже прошлого века испытал в полной мере «прелести» административного контроля за научной деятельностью.

Если говорить о цельности (целевой направленности), то она также вполне очевидна и заключается в одном слове — крестьяноведение. Этот термин, закрепленный с конца 1980-х годов в отечественной науке с легкой руки А. В. Гордона, стал концентрированным выражением принципиального методологического поворота в исследовании «неудобного класса», ускользавшего от холодного социологического анализа. Обращение к работам зарубежных специалистов давало очень многое в понимании феномена крестьянства, его отличительных черт и нюансов, объяснить и истолковать которые было невозможно, используя традиционные методики и наработанные приемы. При этом необходимо отметить, что восприятие новых идей происходило не путем автоматического переноса полученных результатов на российскую почву, а через критическое осмысление и собственное истолкование. К этому добавлялось и об-

ращение к относительно недавно «реабилитированному» творчеству А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, Н. Д. Кондратьева.

В целом, подытоживая, могу сказать, что методологический семинар стал настоящей школой обучения и взросления, что явно просматривается в книге, созданной благодаря серьезному и напряженному редакторскому труду В. В. Бабашкина. За это я хотел бы выразить ему личную благодарность еще и потому, что, проштудировав работу от корки до корки, я не обнаружил ни одной опечатки. Согласитесь, в современных публикациях с подобным не часто приходится встречаться. Конечно, это частность, но частность, которая становится камертоном оценки работы в целом. Владимир Валентинович, который в годы существования семинара готовил фундаментально-содержательные рефераты по большинству обсуждаемых монографий, сумел подготовить издание, которое, я уверен, станет необходимым и незаменимым подспорьем для нового поколения крестьяноведов.

И в заключение несколько слов о тех выводах, которые напрашиваются после прочтения публикации. В. П. Данилов на одном из семинаров высказал мысль о необходимости перехода от обсуждения рефератов зарубежных исследователей к рассмотрению работ отечественных ученых. Как мне кажется, эта мысль крайне актуальна сегодня. Увы и ах, общая ситуация, складывающаяся в отечественной науке, приводит к исчезновению такого явления, как научная школа. Причин тому множество, и останавливаться на них нет возможности. Скажу лишь, что мы оказались перед серьезной опасностью, если не сказать, перед грядущей трагедией. Единственный способ сохранения научного наследия и осуществления преемственности поколений может состоять только в объединении усилий историков, работающих на общем научном поле, изучающих смежные и тематически близкие проблемы. Естественно, в полной мере это относится и к крестьяноведению. Как мне кажется, отмечая сегодня значение методологического семинара под руководством В. П. Данилова, мы также должны инициировать продолжение его деятельности.

И. Н. Слепнёв: По выражению В. П. Данилова, прозвучавшему на одном из заседаний семинара, аграрная теория и практика — сфера общественного бытия, «где пока продолжают господствовать наиболее безумные идеи и самые странные мифы»[15]. В этой атмосфере нарастающего безумия и разрухи публикация материалов историко-теоретического семинара звучала на страницах журнала «Отечественная история» голосом здравого смысла. Благодаря энергии и авторитету двух виднейших ученых-аграрников — В. П. Данилова и Т. Шанина был создан и эффективно действовал научный

15. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 591.

форум, сумевший объединить силы и идеи западного и российского крестьяноведения. Вышедший сборник явился результатом созданного таким образом поля высокого интеллектуального напряжения, служившего центром притяжения аграрно-исторической мысли. Материалы семинара доносят до нас, сегодняшних, голоса и научную позицию ученых — корифеев аграрно-исторической науки Ф. Б. Белелюбского, П. В. Волобуева, А. В. Гордона, Л. В. Даниловой, С. А. Есикова, И. Е. Зеленина, П. Н. Зырянова, Н. А. Ивницкого, М. Левина, Б. Г. Литвака, Л. В. Милова, Н. К. Фигуровской, Д. Филда и др., так же как и самих авторов избранных книг и публикаций, послуживших основой для обсуждения на семинаре. Многих из них уже нет с нами, и издание материалов семинара сейчас видится также и в качестве интеллектуального памятника ушедшей эпохе с ее тревогами, сбывшимися и несбывшимися надеждами.

Участники семинара характеризовали девяностые годы обвалом колхозно-совхозной системы ведения сельского хозяйства на фоне нарастающих процессов деколлективизации и приватизации, незащищенности и придавленности, руинизации сельского хозяйства под давлением стихии мирового рынка. Поистине это был тяжелый период для аграрной сферы и аграрной науки, как и для науки и для всей страны в целом.

Сейчас на протяжении ряда лет начали нарастать процессы прямо противоположной направленности. Спустя два десятилетия после случившегося обвала Россия стала превращаться в страну с динамично развивающимся сельским хозяйством, выходя на передовые позиции в мире по зерновому экспорту. Не буду обращаться к известной и весьма позитивной статистике, отмечу только этот феноменальный факт: впервые за большой отрезок времени страна вновь вернулась на позиции экспортера зерна. И это поистине революционное событие, по какому-то стечению обстоятельств, кажется, оставленное без должного внимания не только научной общественностью, но также и многочисленными участниками и слушателями горячих дискуссий конца 80-х — начала 90-х годов XX века. Дискуссий, которые можно условно озаглавить «Где пышнее пироги?»[16] Достаточно вспомнить один из главных перестроечных постулатов: царская Россия вывозила зерно, СССР его стал ввозить не в силах обеспечить собственное население продукцией сельского хозяйства...

Возвращение к прозвучавшим на семинаре дискуссиям спустя почти четверть века оправданно и своевременно. Перефразируя высказывание В. П. Данилова по поводу издания в России хрестоматии крестьяноведения[17], можно сказать, что наконец-то материалы семинара «Современные концепции аграрного развития» изданы!

16. По названию получившей широкую известность во времена перестройки публицистической статьи Ларисы Пияшевой.

17. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире (1992):

С. И. Толстов: Первые публикации материалов семинаров «Современные концепции аграрного развития» в «Отечественной истории» пришлись на то время, когда я был в аспирантуре. Объектом моей кандидатской было крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е годы XIX века. Тема в советской историографии была досконально изучена, но дискуссионна настолько, что у специалистов дело доходило чуть ли не до личной вражды. В грубом приближении точки зрения формулировались следующим образом. Томская школа убедительно, с опорой на огромную фактографию доказывала, что крестьянское хозяйство на кабинетских землях стагнировало в рамках феодального способа производства. А представители новосибирской школы, максимально используя весь теоретический арсенал марксистско-ленинской методологии, не менее убежденно и убедительно доказывали, что крестьянская экономика на Алтае уже располагала основными признаками капитализма, как то товарное производство и наем.

В силу то ли своего крестьянского происхождения, то ли той культуры исторического исследования, которую нам прививали на историческом факультете Томского университета, а может быть, некой индифферентности к идеологической заданности, которая была свойственна молодежи 1980-х годов, я очень тяжело определялся, на чью, образно говоря, мельницу я буду лить воду. Огромного уважения к своим преподавателям, среди которых, например, была Зоя Яковлевна Бояршинова, которая глубоко позитивистски проанализировала крестьянский двор эпохи феодализма как базовую сельскохозяйственную единицу, оказывалось недостаточно. Меня интуитивно смущало то, что ряд исследователей предписывали крестьянскому хозяйству линейную логику развития. Для меня было очевидно, что возможности формационной методологии в объяснении феномена крестьянского хозяйствования в мобилизационных условиях не безграничны. Весьма кстати на почву моих сомнений, а также выкладок на основе многомерного математико-статистического анализа лег колоссальный познавательный инструментарий, почерпнутый из материалов семинаров. Реализуя крестьяноведческие методологические установки на изучение крестьянского хозяйства как такового, я сделал умозаключение: в предреформенные годы в алтайской приписной деревне имела место эволюция крестьянского хозяйства под влиянием коммерциализации, а не становления капиталистических отношений. Крестьянин реализовывался в своей имманентной природе как хозяйствующий в рыночных условиях социальный тип, он с выгодой для себя пользовался возможностями избегать издержек добывания «живых» денег.

У меня была удачная возможность укрепиться в этом своем убеждении в очных дискуссиях на конференциях с некоторыми из

пер. с англ. / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия».

участников семинара (В. В. Бабашкиным, А. М. Никулиным). Оно мировоззренчески меня устроило и на защите прозвучало убедительно для основных оппонентов, в чем, безусловно, сыграл свою роль позитивный отзыв на мой автореферат, который дал такой авторитетный ученый, как А. В. Гордон.

В последние годы для меня открывается огромная продуктивность крестьяноведения в трактовке феномена колхозного крестьянства, которое отнюдь не утратило традиционную роль релевантного фактора в истории. Я обнаруживаю аналогии в механизме функционирования мобилизационного крестьянского хозяйства и в доколхозную пору, и в последующие годы. Сельские труженики не перестали быть крестьянами, получив мерность колхозных. Они адаптировали колхозы под себя и побудили власть на какое-то время ввести колхозы в режим самоуправления, вынудили искать баланс интересов с ними. Колхозный строй, поставив барьер перерастанию интегрированного в общественное производство личного подсобного хозяйства в капиталистическое, задействовал мотивацию удовлетворения демографически обусловленных потребностей на базе семейно-трудовых приоритетов в предвоенные и военные годы, а также позволил раскрыться природе предприимчивости в относительно благополучные 1950-е годы, когда крестьяне по максимуму реализовались в самоэксплуатации. Вызывает сожаление, что вариант исторического развития, при котором такая производственная единица, как «колхоз-деревня», могла вписаться добросовестным трудом в модернизацию страны, если бы ею управляли, не нарушая коренных крестьянских интересов, был сломлен тем, что я называю национализацией колхозов. Однако тема эта насколько интересна, настолько и щепетильна. Опираясь на крестьяноведческую методологию, в ней можно выйти на доказательные научные выводы, и в этом отношении данная книга как нельзя кстати.

С. Ю. Разин: Уважаемые коллеги! Я бы хотел несколько слов сказать о теоретико-методологическом значении семинара «Современные концепции аграрного развития» и тезисно выделить несколько идей, прозвучавших в ходе его заседаний, которые, на мой взгляд, имеют важное значение для россиеведения и крестьяноведения.

Во-первых, это отказ от европоцентристских (западноцентристских) подходов к рассмотрению истории незападных обществ, прежде всего России. В материалах семинара постоянно звучала мысль о том, что Россия — это крестьянская страна, особая цивилизация, специфика которой определяется крестьянством, его культурой и его сознанием. Эта теоретико-методологическая установка и сегодня не утратила своей актуальности.

Во-вторых, это позиция, согласно которой крестьянство в традиционных обществах — активный субъект политики, а не только объект манипуляций политических элит.

В-третьих, это точка зрения, согласно которой крестьянский вопрос не сводится только к аграрному. Важнейшей его составной частью является вопрос о роли крестьянского сознания в истории традиционных обществ, включая Россию.

В-четвертых, это представление о том, что русская революция начала века — это прежде всего крестьянская революция. Исход русской революции определялся позицией крестьянства, его отношением к различным политическим силам, участвовавшим в борьбе за власть.

В-пятых, это подход к анализу крестьянской революции в России, суть которого сводится к тому, что она рассматривается как длительный процесс, начавшийся в 1902 году и завершившийся в 1930-е годы.

В-шестых, это идея о том, что оборотной стороной процесса раскрестьянивания явилось окрестьянивание страны, распространение крестьянственности на все социокультурное пространство Российской/Советской империи и превращение России в огромную мегаобщину, существующую по принципам крестьянского мира.

Эти идеи, на мой взгляд, приближают нас к обретению подлинного понимания глубинных социокультурных механизмов русской революции, победы большевизма и генезиса советской модели государства и общества.

В заключение хотел бы еще раз поблагодарить организаторов и участников семинара «Современные концепции аграрного развития» за все, что они сделали для исторической науки, и пригласить всех присутствующих к участию в мероприятиях и сборниках нашего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

Публикацию подготовили
В. В. Бабашкин, И. А. Кузнецов

Contemporary Peasant Studies, and Agrarian History of Russia in the XX Century. Round table.

This publication is a transcript of the round table dedicated to the presentation of the book “Contemporary Peasant Studies, and Agrarian History of Russia in the XX Century” that took place on March 18, 2016 at the Moscow School of Social and Economic Sciences within the XXIII International Symposium “The Paths of Russia. North–South”. The book consists of the materials of the theoretical seminars “Modern Theories of Agrarian Development” that worked in 1992–2000 under the direction of Viktor Danilov and Teodor Shanin, made a significant contribution to the development of post-Soviet agrarian historiography, and for several decades united Russian and foreign researchers of different generations. The participants of the round table discussed the development of Russian and foreign Peasant Studies in the 1960s—1990s, their current state, problems and prospects. In particular, it was repeatedly noted that one can argue about whether or not there are real peasants in today’s Russia, however, there is no doubt about the preservation of peasant consciousness features in the Russian population. The round table participants shared their personal memories about theoretical seminars of Shanin-Danilov, their experience of the field anthropological and sociological research and scientific discussions.

Key words: Peasant Studies; agrarian seminar; peasantry; rural sociology; agrarian history; Russian history; post-Soviet agrarian historiography.